ВОЛЫНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21 Февраля № 6 1886 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Ученіе Тридентскаго собора о первородномъ грѣхѣ и оправданіи—въ связи съ православнымъ и протестантскимъ ученіемъ о томъ же предметѣ.

Историко-критическій очеркъ изъ области сравнительнаго Богословія.

(Продолженіе).

Споръ бл. Августина съ Пелагіемъ заставилъ церковь составить и издать первыя вѣроопредѣленія по вопросу о первородномъ грѣхѣ. Въ нихъ осуждалась ересь Пелагія и его послѣдователей и излагалось православное ученіе, представителемъ котораго былъ бл. Августинъ. Изъ этихъ вѣроопредѣленій мы приведемъ только нѣкоторыя, и именно тѣ, которыя впослѣдствіи заимствовалъ въ свои декреты Тридентскій соборъ, какъ опредѣленія, идущія прямо противъ заблужденій тогдашняго времени. Сюда относятся прежде всего 2-й и 25-й каноны *втораго* Аравсиканскаго собора (529 г.), гдѣ читаемъ: «если кто говоритъ, что чрезъ грѣхъ Адама человѣкъ не весь,— т. е. по тѣлу и душѣ, измѣнился къ худшему, а вѣритъ (обманутый ересью Пелагія), что, при существованіи свободы души неповрежденною, только тѣло подлежитъ порчѣ, то пусть тотъ обратится къ Писанію, говорящему:

«**душа, которая согрѣшитъ, сама умретъ**» (Iез. 18), и—«неужели вы не знаете, что кому вы отдаете себя въ рабы для послушанія, того вы и рабы, кому повинуетесь» (**Рм.** 6, 16)? Если кто утверждаетъ, что преступленіе Адама повредило только ему одному, а не—вмѣстѣ и всему его потомству *(противъ Пелагія)*, или—свидѣтельствуетъ, что только смерть тѣла, которая есть наказаніе за грѣхъ, а не грѣхъ, который есть смерть души, чрезъ единаго человѣка переходитъ во всѣхъ людей *(противъ пелагіанъ)*, тотъ оказываетъ несправедливость Богу, противорѣча Апостолу, говорящему (Рим. 5, 12): «какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ, и грѣхомъ смерть, такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили» (сап. 2). «Соборъ—затѣмъ—исповѣдуетъ, что чрезъ грѣхъ перваго человѣка свободная воля только ослабѣла и накренилась (attenuatam et inclinatam), что человѣкъ до тѣхъ поръ не будетъ любить Бога, какъ должно, стремиться къ Нему, честно жить для него, пока онъ не будетъ предваренъ благодатію и милосердіемъ Божіимъ» *(противъ Пелагія)*—пр. 25 [1]). Сюда же, затѣмъ, относится и 2-е правило втораго Милевитанскаго собора (416 г.): «кто отрицаетъ, что новорожденные младенцы должны быть крещены *(противъ Пелагія)*, или говоритъ, что они крещаются, правда, во отпущеніе грѣховъ, но не наслѣдуютъ (trahere) отъ первороднаго грѣха Адамова ничего такого, что должно было бы очиститься купелью возрожденія,—вслѣдствіе чего форма крещенія, не истинно, а ложно понимается *(противъ пелагіанъ)*,—анаѳема да будетъ. Ибо *не иначе* должны быть понимаемы слова Апостола: «какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть, такъ смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили»,—какъ *всегда* понимала ихъ вселенская Церковь. По этому правилу вѣры даже младенцы, которые хотя не могутъ сами по себѣ допустить какого-либо грѣха *(личнаго)*, истинно крещаются однакожъ во отпущеніе грѣховъ, дабы возрожденіемъ очистилось

1) Sacrorum conciliorum nowa et amplissima collectio edit. **Mansi**, Florentiae, 1761 an. tom. VIII, sub anno 529.

нихъ то, что они наслѣдуютъ (traxerunt) путемъ рожденія[1]). Присоединимъ еще сюда А) посланіе папы Иннокентія I къ Милевитанскому собору, повторяющаго вышеупомянутое правило этого собора, съ присовокупленіемъ доказательствъ въ пользу необходимости крещенія дѣтей, рожденныхъ отъ христіанъ[2]) — *(противъ пелагіанъ)*; и В) *первую* главу посланія папы *Целестина I* (423 г.) къ галльскимъ епископамъ о необходимости благодати Божіей въ дѣлѣ спасенія *(противъ Пелагія)*[3]).

Въ такомъ положеніи ученіе о первородномъ грѣхѣ находилось въ западной церкви *до отдѣленія* ея отъ союза съ церковью восточною. Грѣхъ, по этому ученію, опредѣлялся по преимуществу, какъ *похоть*, какъ начало, слѣдовательно, положительное, проникшее всю природу человѣческую, но—прежде всего и болѣе всего—ея духовную сторону, которая посему нуждается въ уврачеваніи и дѣйствительно врачуется благодатію Божіею въ купели возрожденія.

Послѣ раздѣленія церквей, съ развитіемъ схоластики (съ 12 в.), въ западномъ богословіи мы встрѣчаемся съ ученіемъ о первородномъ грѣхѣ, чуждымъ древней Церкви Христовой. Такъ, отецъ схоластики Анзельмъ Кентерберійскій старается понять сущность первороднаго грѣха чисто-отрицательно. Если, по высказанному уже нами мнѣнію Анзельма, Адамъ долженъ былъ сохранять первобытную праведность,—ибо имѣлъ къ тому силу,—то, утративши эту праведность чрезъ грѣхъ, онъ повиненъ въ этой утратѣ. А такъ какъ въ Адамѣ, какъ въ сѣмени, заключалось все человѣчество, которое въ немъ, какъ представителѣ своемъ, также должно было сохранять ту праведность, то и оно *повинно* въ утратѣ послѣдней. Эта утрата распространяется на каждаго изъ потомковъ Адама путемъ рожденія, и на каждаго же изъ нихъ навлекаетъ

---

[1]) Mansi, tom. IV, pag. 327. Этотъ канонъ, въ виду заблужденія пелагіанъ, утверждавшихъ необходимость крещенія для дѣтей, рожденныхъ только отъ язычниковъ, но не отъ христіанъ, былъ дополненъ на кароагенскомъ соборѣ (525 г.) ученіемъ о всеобщности крещенія.

[2]) Mansi, tom. III, pag. 1075.

[3]) Ibid. tom. IV, pag. 459.

виновность, и бытіе человѣка внѣ этой виновности мыслимо быть не можетъ. Отсюда—въ каждомъ изъ насъ является наслѣдственная виновность, и это—виновность первородная [1]). Отъ нея можетъ освободить насъ и дѣйствительно всецѣло освобождаетъ таинство крещенія. Итакъ, первородный грѣхъ, по ученію Анзельма, опредѣляется чисто отрицательно: онъ есть „originalis justitiae debitae nuditas“,—т. е. недостатокъ или лишеніе первобытной праведности, которую Адамъ и мы въ немъ *должны* были сохранять.

Такимъ образомъ, въ ученіи западнаго богословія о сущности первороднаго грѣха образовались *два* направленія:—*положительное*—бл. Августина, и *отрицательное*—Анзельма.

Послѣ нѣкотораго колебанія между тѣмъ и другимъ направленіемъ,—при чемъ одни изъ богослововъ болѣе держались направленія августиновскаго, а другіе—анзельмовскаго,—въ дальнѣйшемъ развитіи даннаго ученія на западѣ мы встрѣчаемся съ новымъ направленіемъ, стремящимся примирить оба первыя. Представителями такого примирительнаго направленія были—Бонавентура и Ѳома Аквинатъ. Они стараются положительное и отрицательное опредѣленія сущности первороднаго грѣха соединить въ понятіи *причинности*, по которому похоть и утрата первобытной праведности стали бы въ причинное отношеніе къ первородному грѣху,—но дѣлаютъ это различнымъ образомъ.

Бонавентура полагаетъ сущность первороднаго грѣха въ *похоти*,—въ томъ, что самое сѣмя человѣческое носитъ въ себѣ начало неумѣренныхъ желаній и злыхъ страстей, такъ что человѣкъ уже по тому одному, что рождается, является лишеннымъ первобытной праведности, подобно тому, какъ согрѣшившій плотскимъ грѣхомъ тѣмъ

---

1) «Но я не думаю, замѣчаетъ Анзельмъ, что грѣхъ Адама переходитъ на младенцевъ такъ, что они должны наказываться, какъ будто они сами совершили его лично, подобно Адаму. Ибо только личный грѣхъ есть дѣло свободы. Тотъ же естественный грѣхъ есть дѣло необходимости и, слѣдовательно, по естеству *имѣетъ характеръ меньшей вины*» („Patrologiae cursus“—Migne, tom. 158, lib. de conceptu virginali, cap. 27, pag. 460—461).

самымъ лишается непорочности и цѣломудрія [1]). Стало быть, причиною первороднаго грѣха, по мнѣнію Бонавентуры, служитъ похоть, а утрата первобытной праведности есть отрицательное его слѣдствіе.

Иначе смотритъ на отношеніе между похотью и утратою первобытной праведности, какъ моментами первороднаго грѣха, Ѳома Аквинатъ. Мы видѣли выше, когда рѣчь была о первобытномъ состояніи, что первобытную праведность Ѳома представляетъ себѣ подъ видомъ *«нормы»* для низшей чувственной стороны природы человѣка. Отсюда — утрата первобытной праведности есть утрата нормы (forma), сообразно съ которою располагались проявленія чувственной природы (materia), и составляетъ, поэтому, формальную сторону первороднаго грѣха, а безпорядочность чувственныхъ инстинктовъ, обнаружившаяся вслѣдствіе утраты первобытной праведности, какъ нормы, и называемая у Ѳомы похотью, составляетъ его матеріальную сторону. Слѣдовательно, по Ѳомѣ, утрата первобытной праведности сдѣлалась причиною первороднаго грѣха, а похоть—его реальнымъ содержаніемъ, матеріею. Эта похоть, говоритъ Ѳома, настолько натуральна человѣку, насколько она подчиняется разуму, а если она преступаетъ границы разума, то является противною природѣ человѣка, а потому—грѣхомъ [2]).

Если такъ, если похоть бываетъ натуральна природѣ человѣка, когда она (похоть) не переступаетъ границъ разума, то правильно, заключилъ Дунсъ Скоттъ, она и не должна входить въ содержаніе понятія о первородномъ грѣхѣ: она, какъ прямое слѣдствіе недостатка первобытной праведности, какъ начало, обитающее въ тѣлѣ человѣческомъ, не есть грѣхъ, ибо къ тѣлу человѣка, равно какъ и къ животнымъ, не приложимы предикаты нравственной категоріи [3]). Отсюда—сущность первород-

---

[1]) Commentarius in 4 libris Sententiarum, lib. II, dist. 30, art. 2; см. упомянутую статью М. Ястребова въ Трудахъ Кіевской духовной Академіи за 1876 г.

[2]) Summa theologica, prima pars secundae partis, quaest. 82, art. I, conf. qu. 85, artic. 3.

[3]) Sententiarum libri quatuor, ed. Venedig, 1517, lib. II, dist. 32, qu. 2, pag. 310.

наго грѣха, по Дунсъ Скотту, опредѣляется, единственно и исключительно какъ утрата первобытной праведности. Опредѣленіе это, очевидно, вполнѣ отрицательное.

Къ такому опредѣленію первороднаго грѣха пришли схоластики, старавшіеся опереться на ученіе бл. Августина о томъ же предметѣ, но на самомъ дѣлѣ вполнѣ исказившіе его. Они развили ученіе о плоти или тѣлѣ человѣка, какъ сѣдалищѣ грѣха,—ученіе, какъ мы выше видѣли, безусловно отрицаемое бл Августиномъ. Такъ, Ѳома называетъ первородный грѣхъ грѣхомъ естественнымъ, натуральнымъ природѣ человѣка (peccatum naturae), ибо—онъ произошелъ изъ самой матеріальной природы человѣка [1]). Это воззрѣніе Ѳомы до крайности было развито Дунсомъ Скоттомъ и затѣмъ Беллярминомъ.

(Продолженіе будетъ).

СЛОВО,

сказанное 30 января въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ во время заупокойной литургіи по новопреставленномъ рабѣ Божіемъ Иванѣ Сергіевичѣ Аксаковѣ.

Помните, братіе, трудъ нашъ и подвигъ (1 Сол. 2, 9).

Точно громъ съ высоты безоблачнаго неба поразило всѣхъ насъ глубоко печальное извѣстіе о неожиданной кончинѣ незабвеннаго Ивана Сергѣевича Аксакова. Мощный организмъ уступилъ силѣ болѣе мощнаго духа и лучшій гражданинъ и печальникъ земли русской сошелъ въ могилу, повергши въ глубокій трауръ не однихъ только близкихъ и знавшихъ его людей. Его гробъ и свѣжую могилу горько оплачутъ: вся Россія, весь славянскій міръ и всѣ образованные люди, для которыхъ честное и неподкупное слово, сила и твердость убѣжденія, неутомимая борьба съ ложью, любовь къ правдѣ, чистая, безпристрастная любовь къ родинѣ, къ русскому народу и славянству, преданность православной вѣрѣ и церкви и идеѣ самодержавной Царской власти

---

1) Summa theol. p. II, 1, qu. 81.

не пустыя фразы, а духъ и жизнь. То уваженіе, съ которымъ встрѣчалось каждое его живое слово, то благоговѣніе, съ какимъ оно прочитывалось и передавалось изъ устъ въ уста, тотъ необыкновенно обширный, ясный и основательный умъ, съ какимъ онъ съ легкостью анатома отсѣкалъ ложь отъ истины и возводилъ и ставилъ истину на подобающую ей высоту, та замѣчательная и рѣдкая способность жить въ данное время чувствами и думами народными, предугадывать ихъ, воплощать ихъ въ прекрасной и мѣткой оболочкѣ слова, отчего каждый соотечественникъ, читая его слова, читалъ какъ бы завѣты своей души и находилъ въ нихъ источникъ утѣшенія, бодрости и возвышенія духа среди радостей и печалей народной жизни, та смѣлая прозорливость, съ какою онъ раздвигалъ завѣсу будущаго и такъ вѣрно прозрѣвалъ грядущія событія и ихъ послѣдствія,—ставятъ его въ ряду наиболѣе замѣчательнѣйшихъ дѣятелей пера и слова въ нашемъ отечествѣ. Его труды и духовные подвиги не сойдутъ съ нимъ въ могилу; они живы и будутъ жить въ сознаніи народномъ, будутъ приносить добрые плоды и изъ рода въ родъ будутъ вызывать память объ ихъ творцѣ и лучшемъ выразителѣ, который такъ талантливо съумѣлъ идеалы народной жизни влить въ общественную жизнь живою струею. Конечно, намъ, современникамъ, да еще при такомъ внезапномъ удручающемъ душу событіи, трудно оцѣнить заслуги и значеніе дѣятельности покойнаго Ивана Сергѣевича для Россіи и для славянства; безъ сомнѣнія, друзья и почитатели, окружая гробъ народолюбца, многое скажутъ о немъ въ наше назиданіе, но полная оцѣнка жизни почившаго патріота принадлежитъ все таки будущему времени.

Слѣдуя заповѣди Апостола помнить труды и подвиги дѣятелей, мы скажемъ нѣсколько слабыхъ словъ о дѣятельности Ивана Сергѣевича и, останавливая свой взоръ на трудахъ его для подъема русскаго народнаго духа въ Западно-русскомъ краѣ и для оживленія и возвышенія въ немъ православія, хоть нѣсколько освѣтимъ дѣятельность почившаго въ этомъ направленіи.

Иванъ Сергѣевичъ принадлежалъ къ счастливому семейству, нравственныя качества и умственныя дарованія

членовъ котораго пользуются заслуженною общею извѣстностію. Въ средѣ семейной онъ получилъ тѣ задатки любви къ народу и началамъ его жизни, къ Россіи и служенію правдѣ, какія развились въ немъ и воспитаніемъ, и вліяніемъ знаменитаго въ исторіи развитія нашего самосознанія кружка славянофиловъ, центромъ котораго было семейство Аксаковыхъ. Этому кружку талантливыхъ людей, беззавѣтно преданныхъ своей родинѣ, путемъ самоотверженнаго труда надъ изученіемъ памятниковъ старины и условій быта и жизни русскаго народа о единоплеменнаго славянства, посчастливилось возстановить живую связь нашего прошлаго съ настоящимъ, порванную реформами XVIII в, найти въ исторіи русскаго народа богатыя нравственныя силы, зиждущія жизнь народную и строй общества и государства и безъ пособія заграничныхъ, разновидныхъ и вызванныхъ совершенно другими условіями исторической жизни тамошнихъ народовъ учрежденій. Любовь къ родной старинѣ и къ родному народу оживила память о единствѣ всѣхъ славянъ и о необходимости воскрешенія духовнаго единства въ возможной силѣ. Русскіе люди стали прислушиваться къ этому новому направленію въ русской наукѣ, повѣрять его, почувствовали его правду и ученіе славянофиловъ стало нынѣ убѣжденіемъ всякаго истинно русскаго человѣка и постепенно отражается въ мѣропріятіяхъ зиждущей государственной силы, такъ что покойный И. С. Аксаковъ въ извѣстномъ составленномъ имъ адресѣ въ Бозѣ почившему Государю Александру II могъ съ свойственною ему прямотою сказать, что «въ новшествахъ Твоего царствованія слышится намъ наша старина».

Иванъ Сергѣевичъ былъ лучшимъ и болѣе энергическимъ представителемъ славянофильства и самымъ дѣятельнымъ и даровитымъ проводникомъ ученія онаго въ жизнь при содѣйствіи руководимой имъ періодической печати. Запасъ знаній, добытыхъ трудами своихъ предшественниковъ, онъ обогатилъ новыми свѣдѣніями путемъ личнаго опыта и изученія. Не отдавая себя служебнымъ обязанностямъ, но по временамъ принимая оныя на себя, онъ близко изучилъ бытъ старообрядчества, его вѣрованія и надежды, въ качествѣ ополченца совершилъ въ

крымскую войну походъ съ дружиною въ Бессарабію, былъ затѣмъ членомъ слѣдственной коммиссіи, возникшей послѣ этой войны, посѣтилъ славянскія земли и изслѣдовалъ торговое и промышленное движеніе на Украинѣ и, въ связи съ онымъ, въ другихъ мѣстахъ нашего отечества. Эти стороны его дѣятельности дали ему массу свѣдѣній и Иванъ Сергѣевичъ въ своихъ статьяхъ нерѣдко ссылался на нихъ, какъ на доказательства личнаго опыта и знанія.

Честное, правдивое и независимое слово Ивана Сергѣевича нерѣдко было источникомъ оживленной литературной борьбы и непріятностей; по временамъ умолкалъ его голосъ, но, казалось, затѣмъ только, чтобы съ большею еще силою раздалось оно вѣщее и дорогое русскому сердцу слово. Долгъ и служеніе Россіи и славянству онъ ставилъ выше всего, да самоотверженія; еще на дняхъ онъ высказалъ съ полною силою убѣжденія, что уже поздно и неподстать мѣняться ему въ воззрѣніяхъ и пока онъ держитъ перо въ рукахъ, оно будетъ все тѣмъ же независимымъ и искреннимъ, несомнѣнно, истинно патріотическимъ, какимъ оно было и есть,—теперь и всегда. И это онъ исповѣдалъ съ такою силою и твердостію, когда здоровье его уже надломалось и смерть, какъ тать въ нощи, приближалась къ нему. Эта вѣрность русско-славянскимъ идеямъ, доказанная всею его жизнію, приковывала къ нему сердца людей русскихъ и славянъ; сами враги отдавали ему дань уваженія. Въ его домѣ славянинъ находилъ братскій привѣтъ и отдыхъ и получалъ нравственное подкрѣпленіе и помощь. Къ нему, Ивану Сергѣевичу, въ полное его распоряженіе въ случаѣ нужды обильною струею лились значительныя пожертвованія, съ полнымъ довѣріемъ, что онѣ въ рукахъ его дойдутъ по назначенію. Завидное довѣріе! Велика честь памяти почившаго!

Не забудетъ и Западно-русскій край Ивана Сергѣевича! Нужно было имѣть много мужества и сознанія гражданскаго долга, чтобы такъ безстрашно возстать на защиту попранной и униженной русской народности и православной вѣры въ здѣшнемъ краѣ, какъ возсталъ И. Сергѣевичъ въ 1861 и 1862 гг., предшествующіе

смутѣ и во время самой смуты. Эти годы—время лихорадочной подготовки и организаціи польскаго мятежа, благодаря недальновидности и пагубному либерализму нашей администраціи. Всякій, кто бы смѣлъ только думать оказать противодѣйствіе дѣломъ или же заговорить о Западномъ краѣ какъ русскомъ, а не польскомъ, могъ ожидать себѣ много непріятностей, угрозъ и бѣды отъ поляковъ. Казалось, что русская печать и власть какъ бы сознательно отдали край нашъ въ порабощеніе врагамъ. Борьба и томленіе духа были велики и невыносимы; чувства эти испыталъ только тотъ, кто лично здѣсь пережилъ тяжелое время. И вотъ осенью 1861 г. появляется литературный органъ Ивана Сергѣевича «День». Съ свойственною ему прямотою онъ открыто исповѣдалъ великій грѣхъ русскаго общества и русскихъ ученыхъ—забвеніе про существованіе Бѣлоруссіи, обще-русскихъ основъ ея жизни и подвиговъ ея сыновъ; онъ прямо ставилъ вопросъ, что здѣшній народъ—русскій народъ—господинъ и хозяинъ той земли, которую поляки всюду прославили Польшей и этою ложью заслѣпили глаза русскому обществу; онъ убѣждалъ бѣлоруссовъ—представителей народа въ Западномъ краѣ, стряхнуть съ себя въ своемъ домашнемъ быту польскую рѣчь и польскіе обычаи, какъ символы позора и рабства польщизнѣ и какъ преграду къ возсоединенію съ остальною православною Россіею; онъ взывалъ къ русскимъ дѣятелямъ ни на минуту не забывать великое значеніе своего призванія въ странѣ сей,—миссіонерство русской народности и православія. Его слова, исходившія изъ глубины сердца преданнаго Россіи, зажигали сердца читателей и давали силу ихъ мыслямъ и дѣламъ. Но Иванъ Сергѣевичъ былъ человѣкомъ не слова и языка только, а дѣла и истины. Ратуя за нашу окраину, онъ призвалъ къ участію въ борьбѣ лучшія мѣстныя и общерусскія силы въ краѣ, вдохнулъ въ нихъ жизнь и любовь къ народу; масса свѣдѣній, корреспонденцій и ученыхъ трактатовъ, касающихся исторіи и бытовой жизни страны сей, находили сочувственный пріютъ въ его органѣ, который сотнями беплатно онъ распространялъ среди духовенства и образованныхъ людей. Оживленіе въ западной Россіи было весьма велико; взоры мыслящихъ

людей постоянно обращались къ Москвѣ, къ Аксакову, что думаетъ, что скажетъ онъ. Почти всѣ проекты преобразованій въ краѣ или проходили чрезъ его руки или же не чужды были его указаній и косвеннаго вліянія. Православные храмы, братства при оныхъ и въ частности здѣшнее Св.-Духовское, котораго онъ былъ почетнымъ членомъ, и церковные школы находили въ немъ помощника и дателя. Онъ лично отъ себя дѣлалъ жертвы, записывался въ число братчиковъ во многихъ приходахъ, призывалъ къ тому своихъ близкихъ, знакомыхъ и сочувствующихъ его дѣятельности. Гдѣ видѣлъ или чувствовалъ вялость или боязливость въ дѣйствіяхъ, просилъ, убѣждалъ, ободрялъ. Многіе десятки тысячъ денегъ, массы книгъ и церковной утвари явились въ пособіе мѣстнымъ скуднымъ средствамъ или же на покрытіе этой скудости. Вотъ вкратцѣ заслуги и значеніе незабвеннаго Ивана Сергѣевича для Западнаго края, главное—чего не забудетъ исторія—это озареніе сознанія русскихъ людей относительно западно-русской страны, ставшаго теперь непоколебимымъ.

Принесемъ же, братіе, низкій поклонъ и глубокую благодарность приснопамятному Ивану Сергѣевичу за всѣ его труды и подвиги ради славы и чести Россіи, ради счастія и мирнаго развитія Западно-русскаго края; вознесемъ къ престолу Всевышняго мольбы объ упокоеніи въ царствѣ славы и вѣчной правды его могучаго духа, не знавшаго отдыха и покоя ради любви къ Богу, святой церкви и отечеству,—о прощеніи его грѣховъ, вольныхъ и невольныхъ, отъ которыхъ онъ, какъ человѣкъ, не былъ свободенъ. Будемъ молить Небеснаго Устроителя судебъ народовъ и жизни частныхъ людей, да вышлетъ Онъ на русскую ниву дѣятелей подобныхъ почившему. Много есть владѣющихъ перомъ и даромъ слова, но на видномъ намъ нынѣ горизонтѣ общественной жизни нѣтъ и не видится подобнаго незабвенному нашему Ивану Сергѣевичу Аксакову. Аминь. *).

Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

---

*) Изъ «Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей».

Нѣсколько словъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ *).

Упалъ третьяго дня старый, но, казалось, надолго еще могучій русскій, величественный дубъ—Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Склонилась безжизненно дорогая голова этого необыкновеннаго ратоборца за русскую и славянскую мысль, за русскую и славянскую жизнь, пораженнаго въ сердце не однимъ тѣлеснымъ недугомъ, но и жестокою нравственною болью о современныхъ невзгодахъ русско славянскаго міра.

Какъ ни привыкли мы къ тому, что у насъ замѣчательные люди преждевременно погибаютъ и что слѣдовательно русскому человѣку тяжело живется на русской землѣ, но, и при всемъ томъ, нельзя не признать, что особенно поразительна судьба въ наши времена почти всѣхъ главныхъ представителей то литературной и общественной нашей среды, которой самымъ сильнымъ и самымъ чистымъ выразителемъ былъ до вечера 27 числа настоящаго мѣсяца Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

Н. А. Милютинъ—устроитель по чисто народнымъ, славяно-русскимъ началамъ жизни польской земли, загубленной польской шляхтой и польскими ксендзами, пораженъ безнадежнымъ ударомъ послѣ того, какъ повалилъ въ нашемъ высшемъ государственномъ учрежденіи пагубный нашъ конкордатъ съ папой 1847 года.

Другъ и сотрудникъ его кн. Черкаскій сраженъ тифомъ въ Болгаріи почти въ виду готоваго было намъ сдаться Царьграда и при заключеніи славнаго санъ-стефанскаго договора, поруганнаго потомъ, какъ извѣстно, берлинскимъ конгрессомъ.

Другъ и сотрудникъ ихъ обоихъ Ю. Ѳ. Самаринъ неожиданно погибъ на чужбинѣ, въ Берлинѣ, отъ руки нѣмецкаго хирурга, не кстати и несчастливо сдѣлавшаго небольшую операцію.

---

*) Сказаны 29 янв. М. О. Кояловичемъ студентамъ С.-Петербургской Дух. Академіи въ аудиторіи послѣ панихиды, бывшей въ академической церкви.

Близкій имъ всѣмъ, необыкновенно даровитый и образованный Гильфердингъ пораженъ тифомъ въ Каргополѣ на пути къ вторичному изученію на сѣверѣ Россіи драгоцѣнныхъ остатковъ нашей былинной древности.

Старѣйшій всѣхъ ихъ славянофилъ А. Н. Поповъ, авторъ многихъ изысканій и о запад. Россіи, и о папствѣ, и о людяхъ 12 года, пораженъ среди необыкновенной работы по этому послѣднему вопросу параличемъ, прекратившимъ и умственную, а вскорѣ и физическую его жизнь.

Недавно разорвалось сердце цвѣтущаго силами и здоровьемъ извѣстнаго славянофила-мыслителя и естествоиспытателя Н. Я. Данилевскаго среди новой его громадной работы по вопросу о дарвинизмѣ.

Теперь также неожиданно и тоже, казалось, въ полной бодрости силъ палъ на длинной и всегда глубокой бороздѣ православнаго, славяно-русскаго подвига жизни вождь современныхъ славянофиловъ.

И безграничное самоотверженіе погибавшихъ и губительныя стихіи природы приготовляли это въ нашей современности слишкомъ частое, почти непрерывное погребальное славянофильское шествіе; но едвали не въ такой же мѣрѣ приготовляли его и разныя стихіи нашего общества, разрушительно дѣйствующія на все русское, особенно въ наши послѣднія времена, и даже какъ бы уже провозглашающія: vae victis! И до смерти Ивана Сергѣевича раздавались надменные голоса о смерти славянофильства, и даже вчера, на второй день послѣ его смерти, въ органѣ соединенныхъ силъ жидовскихъ и русскихъ—либеральныхъ некрологъ объ Ив. Сергѣевичѣ законченъ крайне лживымъ и крайне неприличнымъ завѣреніемъ о потерѣ имъ будто бы значенія въ славянскомъ мірѣ, а въ ближайшее время, нѣтъ сомнѣнія, часто будетъ вестись рѣчь о томъ, что умеръ послѣдній сильный славянофилъ и съ нимъ умерло самое славянофильство.

Если бы это мнѣніе было вѣрно, то нужно было бы думать, что теперь свободно, безъ нравственныхъ стѣсненій будетъ гулять всякое западничество и по широкимъ русскимъ доламъ и по гористымъ извилинамъ западно и

южно-славянскаго міра, а все самобытно-русское и славянское будетъ безпрепятственно оскорбляемо и унижаемо и по указаніямъ отдаленнымъ—иноземнымъ, и по ближайшимъ жидовско-польско-нѣмецкимъ. Но этого никакъ нельзя считать вѣрнымъ и этого никакъ нельзя думать.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ—вѣрнѣйшій и чистѣйшій выразитель славянофильскихъ воззрѣній—не былъ лишь проповѣдникомъ старыхъ славяно-русскихъ началъ жизни, о которыхъ такъ смѣло иные думаютъ, что имъ уже не воскреснуть, т. е. будто бы они не живутъ въ русско-славянскомъ народѣ и будто уже мертва русско-славянская интеллигенція для ихъ воспріятія. Онъ былъ еще болѣе вѣщимъ глашатаемъ того русско-славянскаго будущаго, когда русскіе и славянскіе люди, настранствовавшись и намучившись на распутіяхъ западно-европейской жизни, станутъ задумываться, приходить къ своему народному самосознанію и собираться во едино для дружной, самобытной работы, крайне нужной и для славянства и для міровой цивилизаціи, самозванно приписываемой себѣ современной западной Европой. Нельзя думать о паденіи дѣла Ивана Сергѣевича Аксакова и просто потому, что такая сила самобытной мысли и высокаго подвига жизни не умираетъ, а создаетъ и выдвигаетъ послѣдователей, продолжателей.

Объ этомъ, надѣюсь, свидѣтельствуютъ и ваши, гг., воспріимчивые къ добру и истинѣ сердца и умы.

Объ этомъ теперь, безъ сомнѣнія, внушительно свидѣтельствуетъ старая, но всегда богатая мощными силами Москва, собирающаяся теперь пока въ молчаливомъ, но слишкомъ краснорѣчивомъ своемъ величіи погребать своего достойнѣйшаго гражданина и общерусскаго твердаго стоятеля за православіе, за Русь, за славянство, и невольно заставляющая теперь все нерусское въ ней чувствовать тягостное уединеніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что и во всей Россіи и во всемъ славянскомъ мірѣ немного найдется такихъ оскудѣвшихъ внутреннею силою мѣстъ, гдѣ бы не дрогнули русскія и славянскія сердца при извѣстіи объ этой неожиданной и тяжкой утратѣ и не вызывали глубокихъ думъ о Россіи, о славянскомъ мірѣ.

Вы, гг., конечно, имѣете уже немало свѣдѣній объ Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ, какъ писателѣ, какъ общественномъ дѣятелѣ, еще больше ихъ получите въ эти дни, и достаточно имѣете образованія и развитія, чтобы передъ вами могъ обрисоваться ясный образъ этого дивнаго русскаго человѣка. Передъ вами теперь, безъ сомнѣнія, выступаетъ во всей ясности то служеніе Россіи, которое всѣмъ предносилъ и самъ всегда совершалъ Иванъ Сергѣевичъ, и которое одинаково достойно и лучшихъ славяно-русскихъ сердецъ, и лучшихъ славяно-русскихъ умовъ.

Въ этомъ служеніи совмѣщались всѣ лучшія начала русской и славянской жизни безъ сепаратизмовъ и безъ насильственныхъ поглощеній, безъ раздѣленій на касты и безъ пагубной нивеллировки, и все это подкрѣплялось не только умственною, но и нравственною силою, и наконецъ поднималось, что особенно намъ дорого, на высоту началъ вселенскаго православія. Отсюда и выходило, что то достоинство Россіи, которое выдвигалъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, не легко могло быть ниспровергнуто даже сильными противниками, и та вѣра въ будущность Россіи, которую онъ будилъ, нелегко падала даже при жестокихъ невзгодахъ.

Я глубоко убѣжденъ, что такъ будетъ и дальше и что пока такъ будетъ, т. е. пока на Руси будетъ сила и чистота русскихъ убѣжденій, до тѣхъ поръ имя Ивана Сергѣевича Аксакова всегда будетъ живо помниться и много почитаться *). *(Церковный Вѣстникъ)*.

Профессоръ **М. Кояловичъ.**

---

*) Затѣмъ М. О. Кояловичъ сказалъ нѣсколько словъ о своихъ близкихъ отношеніяхъ съ И. С. Аксаковымъ въ теченіе слишкомъ четверти вѣка, о томъ обаяніи, какое производила на него богатая, чистая душа И. Серг., и, между прочимъ, о послѣднемъ къ нему письмѣ Ивана Сергѣевича, что оно «способно умирающаго поднять на ноги и вызвать къ энергичой дѣятельности».

*

Лѣтопись текущихъ событій.

Памяти Ивана Сергѣевича Аксакова.

«Аксаковъ скончался»! Два слова всего..
Но эти слова повторяя,
Ужель не заплачетъ отчизна моя
Отъ края—до края!

Ѳ. Ѳ. *Тютчевъ.*

Знаки сочувствія и скорби, вызванные въ Русскомъ обществѣ кончиной Ив. С. Аксакова. На другой день по смерти Ивана Сергѣевича, 28 января, въ 9½ часовъ утра, супруга его удостоилась получить отъ Государя Императора телеграмму слѣдующаго содержанія:

Императрица и Я съ душевнымъ прискорбіемъ узнали о внезапной смерти вашего мужа, котораго уважали, какъ честнаго человѣка и преданнаго русскимъ интересамъ. Дай Богъ вамъ силъ перенести эту тяжелую сердечную потерю.

АЛЕКСАНДРЪ.

Затѣмъ получены были слѣдующія телеграммы:

Отъ Его Высочества Князя Николая Черногорскаго изъ Петербурга:

Pétersbourg. Comme tous les Slaves, je déplore la douloureuse perte de l'illustre citoyen de Moscou, votre époux, que j'estimais sincérement. Veuillez, Madame, recevoir mes condoléances.

Prince Nikolas de Monténégro. *)

Отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны изъ Кіева:

Поражена грустью отъ прискорбной вѣсти о кончинѣ незабвеннаго друга вашей жизни. О немъ поплачутъ тысячи людей. Примите мое искреннее сочувствіе. Да укрѣпитъ васъ Господь!

Александра.

Отъ высокопреосвященнаго Михаила, митрополита Сербскаго, изъ Петербурга:

Нежданная кончина Ивана Сергѣевича глубоко потрясла мою душу. Всѣ Славяне горестно оплакиваютъ добраго, высоко честнаго патріота. Сочувствую общему и вашему горю.

Митрополитъ Михаилъ.

---

*) Изъ Петербурга. Вмѣстѣ со всѣми Славянами оплакиваю горестную потерю славнаго гражданина Москвы, вашего супруга, коего я уважалъ искренно. Благоволите принять, милостивая государыня, выраженіе моего соболѣзнованія.

Князь Николай Черногорскій.

Отъ преосвященнаго Алексія, епископа Литовскаго и Виленскаго, изъ Вильны:

Плачу съ вами о кончинѣ великаго Славянина и истиннаго русскаго гражданина. Великія дѣла, славная память, великая скорбь Славянству и Россіи! Да утѣшитъ васъ Господь. Сейчасъ совершилъ первую панихиду. Литургію и панихиду совершу 30 числа, то же будетъ и во всѣхъ церквахъ города Вильны. Будетъ поминать и вся Литовская православная церковь.

Епископъ Алексій.

— Петербургская печать отнеслась съ глубокимъ сочувствіемъ къ утратѣ И. С. Аксакова. 28 января вечеромъ редакторы и ихъ уполномоченные «Свѣта», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Новаго Времени», «S.-Peterburger Zeitung», «S.-Pëtersburger Herold», «Правительственнаго Вѣстника», «Русской Старины», «Петербургской Газеты», «Русскаго Богатства», «Петербургскаго Листка», «Церковно-Общественнаго Вѣстника» и «Русскаго Паломника», «Звѣзды», «Колосьевъ», «Осколковъ», «Вѣстника Страхованія», «Вечерней Газеты», «Нови», «Нивы», «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Романиста», «Всемірной Иллюстраціи», «Историческаго Вѣстника», «Края», «Минуты», и др.—рѣшили послать супругѣ Ивана Сергѣевича Аксакова, Аннѣ Θеодоровнѣ слѣдующую телеграмму:

«Смерть Ивана Сергѣевича Аксакова потрясла и огорчила насъ. Потеря такого человѣка и безукоризненнаго дѣятеля на поприщѣ русской литературы незамѣнима. Представители петербургской періодической печати, пораженные неожиданною смертью горячо всѣми любимаго и уважаемаго Ивана Сергѣевича, спѣшатъ выразить вамъ, Анна Θеодоровна, ихъ глубокое огорченіе по поводу тяжкой утраты, которую понесла Россія».

Редакторы просили В. В. Комарова, А. С. Суворина, М. И. Семевскаго, А. И. Поповицкаго, Ф. И. Гезеліуса, Н. А. Лейкина присутствовать на погребеніи И. С. Аксакова, какъ депутатовъ отъ столичной печати.

Отъ печати рѣшено соорудить ко гробу И. С. Аксакова хоругвь древне-русскаго стиля, по рисунку профессора живописи П. А. Кошелева, извѣстнаго знатока этого дѣла, и въ день похоронъ И. А. Аксакова отслужить заупокойную обѣдню и торжественную панихиду въ Казанскомъ соборѣ.

На совѣщаніи редакторовъ всѣ рѣчи были полны уваженія къ дѣятельности такого патріота, какимъ былъ И. С. Аксаковъ.

Въ засѣданіи Петербургской городской думы гласный М. И. Семевскій сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

«Къ весьма тяжкимъ утратамъ, понесеннымъ русскимъ обществомъ въ послѣдніе годы, въ лицѣ нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей, а также дѣятелей науки и литературы, присоединяется новая и весьма прискорбная утрата: я говорю о неожиданной и столь преждевременной кончинѣ Ивана Саргѣевича Аксакова. Талантливый писатель, пламенный патріотъ, И. С. Аксаковъ былъ энергичнымъ, ревностнымъ ратоборцемъ за величіе и славу дорогаго отечества. Онъ служилъ Россіи—перомъ и его горячее слово разносилось по всему славянскому міру, находя повсюду въ семьѣ славянскихъ народовъ откликъ и сочувствіе. Всѣ сходятся въ признаньи высокихъ нравственныхъ качествъ этого истиннаго сына земли русской, всѣ признаютъ въ немъ слугу идеи, одушевлявшей всю его жизнь: видѣть свое отечество на той высотѣ, какъ во внутренней его жизни, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ, которая вполнѣ соотвѣтствовала-бы какъ духовнымъ, такъ и нравственнымъ силамъ, которыми въ избыткѣ надѣлена Россія.

«Петербургское городское общественное управленіе, обыкновенно, столь отзывчивое къ радостямъ и горю русскаго общества, конечно, и въ этотъ разъ не останется безучастнымъ къ прискорбной утратѣ, понесенной нынѣ въ лицѣ И. С. Аксакова, не только русскимъ народомъ, но и всѣмъ славянскимъ міромъ, а посему я вношу предложеніе: 1) выразить уваженіе къ памяти покойнаго И. С. Аксакова вставаніемъ собранія думы; 2) возложить вѣнокъ на гробъ И. С. Аксакова отъ с.-петербургскаго городскаго общественнаго управленія, и 3) выразить вдовѣ покойнаго писателя сочувствіе къ тяжелой утратѣ, понесенной русскимъ обществомъ въ лицѣ ея супруга И. С. Аксакова».

Всѣ эти предложенія приняты собраніемъ единогласно.

Депутація отъ с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества (товарищъ предсѣдателя П. А. Васильчиковъ и члены совѣта, почетные члены общества: В. И. Ламанскій и О. Ѳ. Миллеръ) везетъ въ Москву, для возложенія на гробъ Ивана Сергѣевича Аксакова роскошный серебрянный вѣнокъ, перевязанный славянскими лентами и крепомъ, на черной бархатной подушкѣ съ слѣдующими на лентахъ надписями: на бѣлой—с.-петербургское славянское благотворительное общество, на синей—Ивану Сергѣевичу Аксакову † 27 января 1886 г. и на красной—«вѣрую видѣти благая на земли живыхъ». По словамъ «Биржевыхъ Вѣдо-

мостей», въ этой депутаціи принимаютъ также участіе генералы М. Г. Черняевъ и А. А. Кирѣевъ. Кромѣ того, на похороны И. С. Аксакова ѣдетъ изъ Петербурга извѣстный герцеговинскій воевода Пеко Павловичъ.

Въ петербургской духовной академіи, вечеромъ 28 января, по просьбѣ студентовъ, была отслужена панихида по И. С. Аксаковѣ. Помощникъ инспектора, іеромонахъ Антоній, въ краткомъ словѣ охарактеризовалъ личность Ивана Сергѣевича, какъ истиннаго представителя православія и служителя великой обще-свавянской идеи.

На другой день, 29 января, инспекторомъ академіи, архимандритомъ Антоніемъ, вмѣстѣ съ приватъ-доцентомъ, іеромонахомъ Михаиломъ, и студентами-священниками, торжественно была отслужена другая панихида по усопшемъ, въ присутствіи профессоровъ и студентовъ. По окончаніи ея, всѣ присутствовавшіе перешли въ актовую залу, гдѣ профессоръ М. О. Кояловичъ, со слезами на глазахъ, произнесъ прочувствованную рѣчь *) о покойномъ. Въ ней онъ указалъ на таинственный выборъ смерти, своею острою косою срѣзающей самые лучшіе цвѣты русскаго поля, разъяснилъ великую пользу общественнаго служенія Ивана Сергѣевича, дѣло котораго не должно пасть со смертью своего лучшаго представителя. Профессоръ М. О. Кояловичъ выразилъ увѣренность, что имя Ивана Сергѣевича Аксакова будетъ на всегда сохранено въ исторіи русской литературы, и въ заключеніе указалъ на свои близкія отношенія къ покойному, и въ особенности на его послѣднее письмо, которое, по словамъ почтеннаго оратора, «даже мертваго можетъ поднять и возбудить къ дѣятельности».

30 января, по почину с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, была совершена въ соборѣ Казанской Божіей Матери заупокойная литургія и затѣмъ торжественная панихида по почившемъ. Литургію совершалъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ сербскій Михаилъ въ сослуженіи съ высшимъ духовенствомъ. Панихиду служилъ онъ-же въ сослуженіи съ епископомъ выборгскимъ Сергіемъ, двумя архимандритами и многими столичными протоіереями. Предъ панихидой полное мысли и чувства слово произнесъ съ соборной каѳедры настоятель казанскаго собора, протоіерей А. А. Лебедевъ. Казанскій соборъ былъ переполненъ молящимися. Въ числѣ богомольцевъ были: министры военный—генералъ-адъютантъ Ванновскій и народнаго просвѣ-

*) Рѣчь эта напечатана выше въ семъ же №.

щенія И Д. Деляновъ, оберъ-прокуроръ св. синода К. П. Побѣдоносцевъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Влангали, члены государственнаго совѣта: графъ Н. П. Игнатьевъ, Н. И. Стояновскій и І. П. Галаганъ, товарищъ государственнаго контролера Т. И. Филипповъ, командующій войсками варшавскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ Гурко, генералы: Ганецкій, Костанда, Семека, Мирковичъ, Нагловскій, Куропаткинъ, Пржевальскій, Боголюбовъ, и мн. другіе; адмиралы: Поповъ, Веселаго и Асланбековъ; литераторы: А. А. Краевскій, Н. С. Лѣсковъ, Д. В. Аверкіевъ, С. В. Максимовъ, кн. Мещерскій и др., почти всѣ члены славянскаго благотворительнаго общества съ членами совѣта во главѣ—предсѣдателя П. П. Дурново, его товарищами М. А. Домонтовичемъ и П. А. Васильчиковымъ, казначеемъ В. Г. Чубинскимъ, секретаремъ, почетнымъ членомъ общества В. И. Аристовымъ, В. К. Касадкеромъ, Н. П. Писаревскимъ и членами общества: П. П. Корниловымъ, И. И. Глазуновымъ, проф. М. О. Кояловичемъ, академикомъ М. О. Микѣшинымъ идр. Въ числѣ молящихся были и дамы изъ высшаго круга: княгиня Е. Э. Трубецкая, М. В. Дурново, княгиня Оболенская и др. По окончаніи панихиды высокопреосвященнѣйшій митрополитъ сербскій Михаилъ около получаса благословлялъ собравшихся богомольцевъ.

Московская городская дума, послѣ торжественной панихиды, постановила возложить отъ города Москвы вѣнокъ на гробъ Аксакова, выразить вдовѣ глубокое соболѣзнованіе думы, учредить стипендію имени покойнаго въ московскомъ университетѣ по филологическому факультету, на что ассигновать 6,000 рублей и поставить портретъ Аксакова въ залѣ думскихъ засѣданій. Гласные рѣшили присутствовать на похоронахъ въ полномъ составѣ. На панихидахъ по И. С. Аксаковѣ присутствуютъ почитатели покойнаго и всѣ представители прессы.

На ежедневныхъ панихидахъ, совершавшихся дважды въ день была масса народа. Въ теченіе дня приходило множество посѣтителей, вовсе не знавшихъ лично покойнаго. Гробъ, покрытый серебрянымъ глазетовымъ покровомъ, былъ густо обставленъ роскошными вѣнками отъ города Москвы, отъ товарищей правовѣдовъ, отъ московскаго кружка офицеровъ генеральнаго штаба, отъ профессоровъ петербургскаго университета, отъ редакцій «Русской Мысли», «Новаго Времени», «Голоса Москвы», «Развлеченія», «Курьера», и отъ биржеваго комитета и многихъ кредитныхъ и

торговыхъ учрежденій, отъ самарскаго дворянства, отъ дворянства Елецкаго уѣзда, отъ кружка студентовъ.

30 января на утренней панихидѣ снова было тѣсно отъ множества присутствовавшихъ. Между прочими тутъ находились Александръ Алексѣевичъ Кирѣевъ, генер. Черняевъ, воевода Пеко Павловичъ, генералъ Дукмасовъ, князь Щербатовъ, графъ Сальясъ и многіе другіе. Съ курьерскимъ поѣздомъ явился депутатъ отъ петербургской печати г. Комаровъ, привезшій хоругвь. У гроба уже много вѣнковъ, между прочимъ, богатый вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ «Русской Мысли». Послѣ панихиды, г. Комаровъ сказалъ слѣдующую теплую рѣчь отъ петербургской печати объ Аксаковѣ, какъ дѣятелѣ чести, мысли и слова: «Великій дѣятель чести, великій дѣятель мысли, великій дѣятель слова! Твоя сердечная боль отозвалась въ сердцѣ каждаго русскаго на всемъ необъятномъ пространствѣ нашего отечества. Твоя безвременная кончина поразила всю Россію. Что-же удивительнаго, что эту сердечную боль еще явственнѣе почувствовали люди, которые имѣли счастіе носить званіе твоихъ товарищей на необъятномъ поприщѣ общественнаго слова. Едва горестная вѣсть о кончинѣ твоей разнеслась по Петербургу, какъ всѣ редакціи петербургской прессы, представители всевозможныхъ мнѣній, собрались воедино, чтобы подумать, какъ почтить великую память твою и единодушно свидѣтельствовали о безукоризненномъ общественномъ служеніи твоемъ. Всѣ партіи, всѣ мнѣнія, всѣ нравственныя человѣческія разновидности сошлись воедино для отданія справедливости твоему честному служенію, твоей стойкости, твоему гражданскому мужеству, твоей правдѣ. Друзья твои и единомышленники благословляютъ тебя. Твои политическіе враги воздаютъ тебѣ должное и сожалѣютъ, что не имѣли въ рядахъ своихъ такого борца, каковымъ былъ ты. Русскіе, поляки, нѣмцы одинаково понимаютъ твою стойкость. Для всѣхъ ты былъ образцомъ общественнаго дѣятеля, желаемый видъ безкорыстнаго и нелицепріятнаго царскаго слуги. Я принесъ ко гробу твоему сліяніе всѣхъ партій, всѣхъ мнѣній, я принесъ ко гробу твоему, хотя незримый, но лучшій и неувядаемый вѣчный вѣнокъ сочувствія и благодарности. Своею дѣятельностью, всегда возвышенною, всегда безкорыстною, всегда искреннею ты облагородилъ и возвысилъ печать, ты создалъ для Россіи идеалъ гражданина и писателя. Вотъ почему мы, дѣятели общественнаго слова, благоговѣйно восклицаемъ и будемъ многократно восклицать

цать: «Вѣчная память Ивану Сергѣевичу Аксакову». Кончивъ рѣчь эту, г. Комаровъ обратился съ теплымъ словомъ сочувствія къ вдовѣ, поясняя, что не высказалъ десятой части уваженія и почтенія, всѣхъ оттѣнковъ петербургской печати, въ томъ числѣ «Правительственнаго Вѣстника», къ великому гражданину русской земли. Взволнованную, плачущую А. Ѳ. Аксакову повели отдохнуть и успокоиться. Потомъ она приняла симпатичнаго Песо Павловича, сказавшаго простую, но горячую рѣчь. Вотъ переводъ ея: «Въ лицѣ Ивана Сергѣевича собратья славяне, сербы, болгары, черногорцы познавали русскихъ; давно уже сошлись съ нимъ южные славяне. Его честность и искренность дали имъ уразумѣть, какъ велика честность и искренность русскаго народа. Будь побольше такихъ людей, славянское дѣло было бы давно кончено. Но славяне уповаютъ, что брошенное имъ сѣмя не пропадетъ даромъ». Петербургская хоругвь сдѣлана въ десять часовъ по рисункамъ Кошелева. Хоругвь бѣлая, глазетовая. Съ лица, по черному бархату, осьмиконечный серебряный крестикъ копьемъ и тростью. Сзади надпись «И. С. Аксакову отъ петербургской печати» и перечисленіе органовъ печати, отъ которыхъ она отправлена.

Выносъ и погребеніе тѣла Ив. С. Аксакова. 31 января въ 10 часу утра, послѣдовалъ выносъ тѣла Ивана Сергѣевича Аксакова изъ его квартиры въ Университетскую церковь. Гробъ, въ предшествіи преосвященнаго Мисаила и многочисленнаго духовенства, былъ несенъ друзьями и почитателями покойнаго, между которыми находились ген. Черняевъ, Д. Ѳ. Самаринъ, городской голова, бывшіе городскіе головы кн. А. А. Щербатовъ и С. М. Третьяковъ, Пеко Павловичъ и др. Катафалкъ, на которомъ стоялъ гробъ въ храмѣ, весь былъ покрытъ вѣнками. Литургію совершалъ преосвященный Мисаилъ, въ сослуженіи съ архимандритомъ Златоустинскаго монастыря Аѳанасіемъ, протопресвитеромъ Успенскаго собора Н. А. Сергіевскимъ и протоіереями П. А Преображенскимъ, Зерновымъ, Г. П. Смирновымъ-Платоновымъ и священникомъ Ржевской, что на Пречистенкѣ, церкви, о. Смирновымъ. На отпѣваніе же вышло до 30 священно-служителей. Во время причастнаго стиха, протоіереемъ Иванцовымъ-Платоновымъ было произнесено слово, въ которомъ изображались заслуги почившаго Ивана Сергѣевича, какъ неустаннаго и самоотверженнаго борца за правду, православную церковь и свободу братьевъ по вѣрѣ и племени. Были еще произнесены рѣчи прот. Смирновымъ-Пла-

тоновымъ и Н. А. Сергіевскимъ. Грустную, потрясающую картину представляло послѣднее прощанье, когда во всей церкви, какъ бы изъ одной груди, вырвался горькій, скорбный плачъ объ утратѣ честной христіанской души......

Послѣ отпѣванія гробъ былъ вынесенъ студентами и профессорами университета и несенъ ими значительную часть пути до вокзала Ярославской желѣзной дороги. На вокзалѣ была отслужена литія, и гробъ былъ поставленъ въ траурный вагонъ; туда же были помѣщены и всѣ вѣнки, числомъ до 60. Въ 4 ч. 55 м. печальный поѣздъ, послѣ послѣдней литіи, двинулся въ Лавру, унося прахъ дорогаго Москвѣ и всей Россіи общественнаго дѣятеля; наиболѣе близкіе къ почившему, духовныя особы и множество почитателей отправились съ поѣздомъ въ Троицу. На выносѣ и отпѣваніи присутствовали Московскій генералъ-губернаторъ, попечитель Московскаго учебнаго округа, Кирѣевъ, Васильчиковъ, Ламанскій, М. Н. Катковъ, многія высокопоставленныя лица и представители печати московской и петербургской.

На всемъ протяженіи слѣдованія погребальнаго шествія стояли густыя толпы народа. Вѣнковъ въ процессіи, вопреки установившемуся въ послѣднее время обычаю несено, не было, по настоятельному желанію А. Ѳ. Аксаковой, такъ какъ покойный Иванъ Сергѣевичъ при жизни не одобрялъ этого обычая.

Еще съ утреннимъ поѣздомъ наканунѣ въ Лавру прибыло множество москвичей, желавшихъ сказать послѣднее «прости» знаменитому русскому человѣку. Всѣ гостинницы, не говоря о двухъ монастырскихъ, даже частныя были заняты такъ, что номера приходилось брать съ боя. Къ 6-ти часамъ вечера, въ пятницу, вокзалъ сталъ наполняться публикою и студентами академіи, а въ половинѣ седьмаго лаврское духовенство, имѣя во главѣ ризничаго, о. архимандрита Аѳанасія, облачилось въ священныя одежды и съ запрестольною иконою Распятія (священная почесть, оказываемая только лицамъ священнаго сана) вышло на платформу, куда явились также и представители посада и уѣзда: Дмитровскій предводитель дворянства П. В. Бахметевъ, городской голова Е. В. Амфитеатровъ, съ двумя членами городской управы, для возложенія вѣнка отъ города. Ровно къ 7 час. медленно подошелъ къ платформѣ траурный поѣздъ съ 14-ю вагонами. Онъ былъ полонъ провожатыми-друзьями и почитателями почившаго. Оказалось множество студентовъ университета въ числѣ провожатыхъ; настойчиво испросили они себѣ этой чести при снаряженіи

поѣзда на Московскомъ вокзалѣ, и имъ предоставлены были особые вагоны. Раздалось погребальное пѣніе освященнаго собора, и дорогой для Россіи гробъ былъ поднятъ на рукахъ и внесенъ въ вокзалъ; тысячи народа обнажили головы, и лаврскіе пѣвчіе пропѣли «вѣчную память». Изъ пріѣзжихъ кромѣ представителей печати и ближайшихъ друзей покойнаго гг. Д. Ѳ. Самарина, М. Г. Черняева, въ числѣ пріѣзжихъ съ вечера были попечитель учебнаго округа графъ Капнистъ и бывшій московскій голова С. М. Третьяковъ. На лаврской колокольнѣ раздался рѣдкій и монотонный погребальный ударъ колокола и печальная процессія, предшествуемая освященнымъ соборомъ и озаряемая свѣчами и факелами, двинулась къ монастырю. Впереди несены были вѣнки, образовавшіе длинное шествіе. Ихъ числомъ болѣе 120: отъ суда, печати, города, университетовъ, городскихъ обществъ, частныхъ лицъ и т. д. За гробомъ двигались, на протяженіи версты, экипажи и пѣшеходы. Все населеніе посада было тутъ. Къ 8 часамъ гробъ внесенъ былъ въ Трапезную церковь (во имя святыхъ Сергія и Никона). Тамъ совершена была о. Аѳанасіемъ краткая литія и послѣ нея началось заупокойное всенощное бдѣніе, совершенное соборне, при пѣніи всего хора лаврскихъ пѣвчихъ о. намѣстникомъ Леонидомъ съ старшею братіею. Громадная трапеза была полна народомъ не менѣе, чѣмъ бываетъ въ лаврскіе большіе праздники. Нельзя не отмѣтить факта, что помимо вѣнковъ были другія поднесенія, болѣе, можно сказать, соотвѣтственныя образу мыслей и характеру дѣятельности покойнаго: изъ Павловскаго посада прислали депутацію крестьяне съ иконою свят. первоучителей Кирилла и Меѳодія; также и отъ г. Лобзина принсена икона (Всемилостиваго Спаса).

Могила Ивану Сергѣевичу отведена въ оградѣ Успенскаго собора противъ Духовной Академіи.

Прежде чѣмъ прибылъ утренній поѣздъ, съ ранняго утра огромная церковь уже наполнялась народомъ, а въ восемь часовъ совершена была торжественная панихида о. ректоромъ академіи въ сослуженіи съ академическимъ духовенствомъ, въ присутствіи академическихъ наставниковъ и студентовъ; пѣніе совершено было академическимъ хоромъ.

Утренній московскій поѣздъ 1 февраля привезъ еще массу почитателей Ивана Сергѣевича; но размѣститься было уже негдѣ, такъ что поневолѣ пришлось въ ожиданіи обратнаго поѣзда дежурить на монастырѣ. По отзывамъ мѣстныхъ старожиловъ,

Сергіевскій посадъ со дня кончины митрополита Филарета не видалъ еще такихъ торжественныхъ, трогательныхъ и сердечныхъ похоронъ, гдѣ всѣ едиными устами возносили искреннюю молитву къ Царю царствующихъ о упокоеніи души новопреставленнаго Іоанна въ обители святаго собирателя земли Русской, преподобнаго Сергія.

Въ 9 часовъ 1 февраля ударилъ колоколъ къ началу заупокойной литургіи, которую въ Трапезной церкви соборне совершалъ Лавры намѣстникъ о. архимандритъ Леонидъ съ старшею братіею.

Ровно въ половинѣ 12-го часа гробъ почившаго былъ вынесенъ при колокольномъ звонѣ изъ Трапезной церкви на Успенское кладбище, гдѣ послѣ эктеніи, совершенной о. архимандритомъ Аѳанасіемъ, гробъ былъ опущенъ въ могилу. Послѣ того были произнесены рѣчи Михаиломъ Григорьевичемъ Черняевымъ, С. Ѳ. Шараповымъ, инспекторомъ духовной академіи Горскимъ-Платоновымъ и кѣмъ-то было прочитано стихотвореніе П. И. Кичеева. Послѣ прочтенія стихотворенія Кичеева говорили О. Ѳ. Миллеръ и депутатъ отъ крестьянъ Грачевъ.

Засѣданія ученыхъ обществъ въ честь И. С. Аксакова. Въ пятницу, 31 января, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, проводивъ на Ярославскій вокзалъ гробъ Ивана Сергѣевича Аксакова, бывшаго дѣйствительнымъ членомъ Общества, въ 7 часовъ вечера имѣло засѣданіе, посвященное памяти усопшаго. Передъ началомъ засѣданія архимандритомъ Данилова монастыря о. Амфилохіемъ была отслужена панихида, послѣ чего секретарь доложилъ, что г. предсѣдатель И. Е. Забѣлинъ въ слѣдствіе болѣзни къ глубокому своему прискорбію не имѣетъ возможности присутствовать въ настоящемъ собраніи, но что считаетъ своимъ долгомъ представить вниманію достопочтенныхъ сочленовъ нѣсколько словъ въ дорогую для всѣхъ память Ивана Сергѣевича Аксакова. Въ прочтенной послѣ того рѣчи г. Забѣлинъ, выражая глубочайшую скорбь и неутѣшную печаль о безвременной и невознаградимой потерѣ знаменитѣйшаго изъ членовъ Общества, раскрылъ, что никто какъ Иванъ Сергѣевичъ такъ чутко и съ такою сердечною заботой не слѣдилъ за уклоненіями позднѣйшей русской жизни отъ ея народныхъ историческихъ путей. Никто съ такою горячностію не возбуждалъ общественное вниманіе къ уразумѣнію и уясненію коренныхъ завѣтовъ Русской исторіи, забвеніе

которыхъ всегда приносило столько неустройства и столько бѣдъ Русской землѣ. Никто не раскрывалъ съ такою очевидностію великаго жизненнаго значенія русской исторіи для современной жизни. Очень понятно, что высказываемыя имъ правдивыя русскія мысли и убѣжденія озаряли новымъ свѣтомъ многія неясныя стороны и въ нашихъ ученыхъ работахъ, почему Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ будетъ чтить въ немъ одного изъ сильнѣйшихъ и славнѣйшихъ дѣятелей въ развитіи русскаго историческаго самопознанія и самосознанія.

Въ заключеніе засѣданія Е. В. Барсовымъ была произнесена рѣчь, въ которой ораторъ изобразилъ нравственную природу усопшаго какъ человѣка, какъ христіанина, и какъ учителя.

Того-же числа и въ Петербургѣ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ по отдѣлу этнографіи засѣданіе открылось рѣчью предсѣдателя Л. Н. Майкова, посвященною памяти И. С. Аксакова.

«Мнѣ приходится, сказалъ предсѣдатель, начать наше настоящее засѣданіе вновь заявленіемъ о понесенной Обществомъ и всѣмъ русскимъ народомъ горестной утратѣ, въ лицѣ И. С. Аксакова. Я не стану говорить о дѣятельности Аксакова во всей ея полнотѣ. Скажу только, что онъ былъ однимъ изъ давнишнихъ членовъ Общества и былъ командированъ имъ внутрь Россіи для изученія торговли на украинскихъ ярмаркахъ. Въ свое изученіе этого предмета онъ внесъ этнографическій интересъ и съ присущею ему талантливостію выяснилъ, какъ различно проявляется на ярмаркахъ малороссъ и великоросъ. Взглядъ Аксакова въ этомъ отношеніи былъ признанъ всѣми вѣрнымъ. Общество за его труды увѣнчало покойнаго своею высшею наградою—константиновскою медалью. Другое его сочиненіе прямо относится къ области этнографіи. Я говорю о его трудѣ «О бѣгунахъ», секту которыхъ онъ изучилъ преимущественно въ Ярославской губерніи. Въ печати появилась только заключительная глава этого труда, замѣчательнаго въ особенности по характеристикѣ въ немъ причинъ возникновенія секты. Какъ носитель русскаго народнаго духа, Аксаковъ былъ другомъ всякаго изученія русскаго народнаго быта и поддерживалъ всякое этнографическое предпріятіе; такъ онъ помогалъ Безсонову, Шейну, Матвѣеву и другимъ, словомъ, во второй половинѣ своей ученой и литературной дѣятельности Аксаковъ, если не работалъ самъ, то былъ другомъ этнографическаго дѣла».

Собраніе почтило Ивана Сергѣевича вставаніемъ съ своихъ мѣстъ.

Слово представителя чеховъ на похоронахъ И. С. Аксакова. По прибытіи изъ Сергіевской Лавры 1 февраля, въ 4 часа дня, представитель московскихъ чеховъ на похоронахъ И. С. Аксакова, В. Ѳ. Корналикъ, обратился на вокзалѣ къ присутствующимъ студентамъ съ благодарностью отъ чеховъ и между прочимъ сказалъ: «Гг. студенты! Примите искреннюю благодарность за ваше глубокое уваженіе и послѣднія почести вѣрному другу всего славянства, И. С, который поднялъ знамя соединенія всѣхъ насъ. Не будемъ падать духомъ по случаю громадной потери, понесенной нами, и будемъ надѣяться, что изъ среды вашей выйдутъ могучія молодыя силы для поддержки поднятаго знамени».

Надгробное слово М. Г. Черняева. Приводимъ текстъ надгробнаго слова М. Г. Черняева, сказаннаго на могилѣ покойнаго И. С. Аксакова. «Мы сказали послѣднее «прости» Ивану Сергѣевичу, но не скоро еще уляжется на Руси скорбь, вызванная вѣстью о его кончинѣ, потому что смерть его не есть только горе семейное, горе частное, но есть горе общее, горе всей семьи народной. Праведный передъ людьми, да предстательствуетъ онъ передъ Всевышнимъ за беззавѣтно любимую имъ Россію и да упокоитъ Господь высокую душу его «идеже праведніи упокояются».

Отзывы русской печати по поводу кончины Ив. С. Аксакова. Газеты разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ всѣ наполнены статьями, посвященными памяти Аксакова такъ что обыкновенная лѣтопись событій отодвинута этимъ крупнымъ событіемъ на задній планъ. Такая исключительность вниманія одна уже показываетъ, до чего велика потеря, понесенная Россіею. Отзывы въ печати напоминаютъ подобные же, раздававшіеся по смерти Скобелева; иностранныя газеты даже и сопоставляютъ этихъ двухъ людей, борцевъ за ту же идею на двухъ разныхъ поприщахъ: въ одномъ они видѣли грозу мечемъ, въ другомъ грозу перомъ. Замѣчательно, что и ненавиствующіе голоса раздались по случаю обѣихъ этихъ смертей съ достойнымъ лучшаго дѣла единодушіемъ въ однихъ и тѣхъ же органахъ, и не только по ту, но и по сю сторону границы. Сколь ни малочисленны въ нашемъ отечествѣ органы, равнодушно и даже пренебрежительно отнесшіеся къ заслугамъ Аксакова, но они тѣ же, что и великаго

нашего полководца, «Суворову равнаго», низводили въ рядъ едва не шарлатановъ военныхъ. Понятно, такими отзывами пишется только себѣ же приговоръ исторіи.

Отзывъ «Новаго Времени», изъ котораго прекрасная статья о кончинѣ Ивана Сергѣевича Аксакова перепечатана въ 5 № Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, уже извѣстенъ читателямъ. Не стало талантливаго и мощнаго краснорѣчіемъ публициста, говорятъ, «Совр. Изв.». Въ наше бѣдное и нелегкое для возрожденія новыхъ силъ время—утрата большая. Не стало искренно убѣжденнаго, глубоко вѣровавшаго представителя славянской мощи и ея будущаго, не стало апостола для проповѣди за идею національности, стража русскихъ интересовъ, русскаго духа, русской мысли. Не стало защитника правды русской народной мысли, русскаго народнаго бытія противу всякаго рода кривды. Вышелъ изъ рядовъ русскихъ истинно русскій человѣкъ, замолкъ навсегда его голосъ, и славныя реформы послѣдняго царствованія потеряли одного изъ искреннихъ, честныхъ и краснорѣчивыхъ защитниковъ ихъ. Потеряла таковаго и свобода слова, и свобода совѣсти. Земля русская лишилась своего гражданина. Лишился и вождь земли русской, Русскій Царь, горячо ему преданнаго и нелицепріятнаго вѣрноподданнаго. Не стало Ивана Сергѣеича Аксакова, извѣстнаго не только Россіи и славянству, но и далеко за ихъ предѣлами, редактора «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», извѣстнаго по искренности и честности убѣжденій, по чистотѣ, неизмѣнности и независимости ихъ, по силѣ и яркости своихъ сужденій. Не стало того сильнаго борца за славянъ, черезъ котораго такъ много добра и пользы получило славянство.

Далѣе газета старается выяснить нѣкоторыя частности, почему потеря такого дѣятеля, какимъ былъ Аксаковъ, особенно тяжела.

Слово Аксакова было всегда прямое и смѣлое, и потому-то именно, что въ немъ совмѣщались прямота со смѣлостью, оно и было цѣнно, дорого, важно, особливо въ наше время, когда изолгавшемуся и перепутавшемуся человѣчеству оно было во спасеніе. За смѣлостью дѣло у насъ не станетъ, но за прямотою—постоитъ. А въ прямотѣ этой вся и сила. Въ ней только и честность личнаго духа, и правда, и доблестная, нелицепріятная отвага гражданина. Найдется ли такой замѣститель Аксакова, и скоро ли найдется и сможетъ ли онъ, если и отыщется—вотъ

въ чемъ тяжелый, грустный, полный сомнѣнія вопросъ. Вотъ гдѣ вся невознаградимость потери—по крайней мѣрѣ теперь, въ эту минуту... Вотъ гдѣ центръ тяжести скорби передъ угасшею жизнію честнаго и чистаго борца за правду противъ кривды... И чѣмъ выше сознаніе о необходимости нелицепріятнаго и чистаго голоса чести и правды, тѣмъ тяжелѣе становится понесенная утрата.

«Варшавск. Дневн.» отмѣчаетъ характерную особенность въ дѣятельности покойнаго:

Званіе писателя и публициста,—какъ ни грустно въ этомъ признаться,—давно утратило то обаяніе, которое оно имѣло въ началѣ нынѣшняго вѣка. И это не только у насъ; у насъ это прискорбное явленіе можетъ быть еще менѣе замѣтно, чѣмъ въ другимъ странахъ. Покойный Аксаковъ составлялъ въ этомъ отношеніи одно изъ самыхъ блистательныхъ исключеній: это была одна изъ самыхъ благороднѣйшихъ личностей, это былъ человѣкъ, котораго нельзя было не уважать, и нравственная красота его произвела въ концѣ концовъ свое благотворное дѣйствіе; власти убѣдились наконецъ, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда Аксаковъ горячо и рѣзко нападалъ на ту или другую правительственную мѣру, онъ все-таки былъ проникнутъ желаніемъ блага и правительству, т. е. Царю и Россіи; онѣ естественно стали относиться къ нему снисходительнѣе, а оказанное ему снисхожденіе неизбѣжно вліяло въ освободительномъ смыслѣ и на прочихъ публицистовъ. Такимъ образомъ покойный Аксаковъ оказалъ большую услугу дѣлу свободы русской прессы.

Кончина И. С. Аксакова, говорятъ «Русск. Вѣд.» представляетъ важную общественную утрату. Со смертью его русское общество лишилось одного изъ наиболѣе видныхъ своихъ дѣятелей, честнаго и независимаго публициста, воплощавшаго въ своемъ лицѣ цѣлое самобытное направленіе, которое при немъ и чрезъ него не только приняло наиболѣе опредѣленныя формы, но и успѣло заявить себя рядомъ важныхъ фактическихъ результатовъ. Только утративъ такую личность, можно сознать вполнѣ всю величину потери; только теперь сталъ очевиднымъ тотъ пробѣлъ въ рядахъ русскихъ общественныхъ дѣятелей,—пробѣлъ, котораго замѣнить некѣмъ, ибо нѣтъ лица, которое могло бы явиться столь же независимымъ, искреннимъ, честнымъ, талантливымъ, вдохновеннымъ выразителемъ лучшихъ идей и стремленій такъ называемаго славянофильства. Можно было не согла-

шаться съ тѣми или другими мнѣніями Ивана Сергѣевича, можно было даже расходиться съ нимъ въ основныхъ убѣжденіяхъ и въ пониманіи политическихъ и общественныхъ идеаловъ, но нельзя было не относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ неуклонной вѣрности этого человѣка разъ усвоеннымъ убѣжденіямъ, къ пылкости искренняго чувства, не охладѣвавшаго съ годами, къ горячей вѣрѣ въ излюбленные идеалы, къ вдохновенному дару слова, увлекавшаго сердца, въ неизмѣнной честности и высокому благородству, съ которыми онъ шелъ столько лѣтъ по пути своего призванія, не уклоняясь съ него, съ перемѣной вѣтра, и сохраняя, какъ публицистъ, всегда независимость своихъ патріотическихъ убѣжденій, несмотря на всѣ трудности такого прямолинейнаго пути, на всѣ преграды и невзгоды, съ которыми ему приходилось при этомъ считаться.

«С.-Петерб. Вѣд». предугадываютъ отзывы иностранной печати по поводу смерти нашего публициста, совершенно правильно приравнивая данный случай къ смерти Скобелева и отзывамъ о послѣдней иностранной прессы.

Когда, три года назадъ, телеграфъ разнесъ неожиданную вѣсть о кончинѣ «бѣлаго генерала», одна берлинская газета («Berl. Tageblatt»), слывущая за выразительницу неоффиціальныхъ, такъ сказать, чувствъ и помысловъ большинства германской націи, откровенно и чистосердечно заявила, что при всемъ уваженіи къ памяти Скобелева, она можетъ съ политической и нѣмецко-національной точки зрѣнія только радоваться, что наконецъ сошелъ со сцены и прекратилъ свою «агитаторскую» дѣятельность одинъ изъ самыхъ энергичныхъ, храбрыхъ, и опасныхъ «нѣмцеѣдовъ», какихъ когда-либо выдвигалъ изъ своей среды русскій народъ, питающій, будто бы, непримиримую ненависть ко всему нѣмецкому. Вѣроятно, въ извѣстной части австро-мадьярской печати и вѣнско-пештскаго общества кончина И. С. Аксакова вызоветъ подобный же откликъ, и мы врядъ ли ошибемся, сдѣлавъ предположеніе, что въ глубинѣ души нѣкоторыхъ добро-австрійскихъ и добро-мадьярскихъ патріотовъ тяжелая и незамѣнимая потеря, понесенная Россіею и славянствомъ, не возбудитъ особенно скорбнаго чувства. Можно ожидать даже нѣкотораго злораднаго удовольствія по поводу того, что «традиціонный, непримиримый врагъ» никогда болѣе не появится на столь страшномъ для «второй западно-славянской имперіи» восточно-славянскомъ полѣ брани. Не будетъ болѣе рѣчи объ инт-

ригахъ «des berüchtigten Herrn Aksakoff», не будетъ опасеній, что его нѣсколько увлекающееся иногда, но всегда искреннее и горячее слово раздастся изъ сердца Россіи съ предостереженіемъ славянству не увлекаться кажущимися благами, предлагаемыми его же вѣковымъ врагомъ.

Въ характеристикѣ дѣятельности Аксакова, какую даетъ газета, есть нѣсколько своеобразныхъ мыслей.

Не въ славянофильствѣ, во всякомъ случаѣ, главное значеніе Аксакова, говоритъ она. Это была лишь одна сторона его духа и мысли, которую самъ онъ иногда напрасно выдвигалъ впередъ, но которая никогда не сдѣлала бы имя его столь дорогимъ и любимымъ въ Россіи, если бы надъ нею не преобладало его громадное значеніе русскаго человѣка и журналиста. Именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ тяжка и незамѣнима утрата, принесенная его смертью. Аксаковъ не только зналъ и любилъ Россію— ее многіе знаютъ и любятъ,—но онъ былъ гордъ Россіею, онъ носилъ въ своей крови и въ мозгу сознаніе ея величія и силы, и когда громко въ его пламенной и образной рѣчи звучало это сознаніе, русскіе люди чувствовали себя бодрѣе, лучше, способнѣе для большаго національнаго дѣла. Среди нашихъ отечественныхъ «европейцевъ» онъ, со своимъ русскимъ взглядомъ и чувствомъ, былъ самымъ истиннымъ европейцемъ въ томъ смыслѣ, что обладалъ самымъ дорогимъ достояніемъ истинной культуры —просвѣщеннымъ чувствомъ народной гордости.

Въ журналистикѣ и въ общественной мысли Аксаковъ былъ не только представителемъ, но почти создателемъ совершенно самостоятельнаго теченія, главнымъ содержаніемъ котораго была борьба съ унизительными и лживыми формами петербургскаго европейничанья.

«Русскій Курьеръ» видитъ въ дѣятельности Аксакова нѣчто, напоминающее древнихъ богатырей:

Умеръ не только талантливый публицистъ, даровитый поэтъ, честный и выдающійся гражданинъ русской земли—умерла крупная, незамѣнимая и, увы, въ одномъ только лицѣ сосредоточившаяся сила.

Кто видалъ или хотя встрѣчалъ только Ивана Сергѣевича Аксакова, невольно сравнивалъ его, по его широкоплечей, могучей фигурѣ, съ типомъ народныхъ богатырей древней Россіи,— тѣхъ самыхъ богатырей, которые когда то сторожили и охраняли «святорусскую землю отъ всяческихъ змѣевъ-горынычей и отъ

свивавшихъ себѣ гнѣздо на семи дубахъ соловьевъ-разбойниковъ, и отъ всяческой силы татарской. Кто зналъ Ивана Сергѣевича,—а кто же во всей Россіи не зналъ его вовсе—зналъ, что онъ имѣетъ дѣло и съ душею богатырскою, которой можно, пожалуй, даже и не симпатизировать, но мощи, прямизны и безусловной искренности которой отрицать было бы такъ же нелѣпо, какъ нельзя отрицать силы морскаго прибоя.

«Моск. Вѣд.» говорятъ: «Скоропостижная кончина Ивана Сергѣевича Аксакова—вотъ событіе, которое отзовется далеко. Его помянутъ повсюду. О характерѣ его политической дѣятельности могутъ быть разныя сужденія, но о немъ, какъ о человѣкѣ, разногласія быть не можетъ между всѣми, его знавшими. Пишущій эти строки издавна зналъ его и помнитъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ, еще мальчикомъ, сидѣлъ за книжкой, готовясь къ училищу правовѣдѣнія. Тогда надъ семействомъ Аксаковыхъ еще не носился духъ исключительнаго кружка, а самъ глава этого почтеннаго семейства, Сергѣй Тимоѳеевичъ, до конца сохранялъ ясность и свободу своего глубоко-русскаго духа.

Впослѣдствіи, въ долговременной политической дѣятельности, мы шли съ Иваномъ Сергѣевичемъ близко другъ отъ друга, но, къ сожалѣнію, рѣдко приходилось намъ дѣйствовать согласно и союзно. Только въ разгаръ событій, оскорбительныхъ для русскаго чувства, розни между нами не было. Ея не было, когда Европа судила насъ въ Берлинѣ; ея не было въ тѣ мрачные дни, которыми заключилось минувшее царствованіе...

Теперь, предъ раскрывшеюся могилой, не время для сужденій и оцѣнокъ. Лучше помянемъ и порадуемся, что покойный, отходя взялъ съ собою неотъемлемое сокровище вѣры Христовой, неискаженной суемудріемъ, горячей, искренней, младенчески простой.

Въ Кіевлянинѣ напечатанъ слѣдующій глубоко-прочувствованный отзывъ: «Не стало одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи! Ивана Сергѣевича Аксакова не стало!! Умеръ благороднѣйшій русскій человѣкъ—человѣкъ, высоко державшій русское знамя, своимъ мощнымъ словомъ будившій и поддерживавшій въ насъ русскія чувства, заставлявшій въ серьезныя годины сильнѣе биться русскія сердца и постоянно призывавшій нашу дорогую Россію—оставаться Русью! Да, одного изъ лучшихъ русскихъ патріотовъ и русскихъ дѣятелей—не стало!

Благоговѣя предъ природными качествами и особенностями русскаго народа, онъ постоянно взывалъ къ самопознанію, къ

изученію своего прошлаго, къ трезвой оцѣнкѣ настоящаго. Давно-ли вся наша такъ называемая интеллигенція, въ какомъ-то вакхическомъ увлеченіи западничествомъ, требовала ниспроверженія всего, что «Русью пахло», и настаивала на необходимости перенесенія цѣликомъ всѣхъ формъ и порядковъ государственной и соціальной жизни западнаго человѣка? Не было той сферы, которой бы не коснулись эти поклонники Запада, эти отрицатели всего русскаго, самобытнаго: религіозныя вѣрованія и народныя воззрѣнія, формы правленія, соціальные и судебные порядки—все браковалось, все должно было быть замѣнено тѣмъ, что выработалъ Западъ. Все русское, свое—никуда не годилось, глумленіе надъ всѣмъ русскимъ доходило до того, что возбуждало въ лучшихъ иностранцахъ презрѣніе къ этимъ прихвостнямъ западничества. Нужно было имѣть много гражданскаго мужества, чтобы «смѣть» быть русскимъ! Такимъ русскимъ былъ всегда почившій!

Но онъ не только *самъ* былъ русскимъ человѣкомъ, онъ дерзалъ призывать другихъ оставаться русскими, не стыдиться быть ими, а главное доказывалъ, что всякія реформы будутъ только въ такомъ случаѣ цѣлесообразны и принесутъ пользу Россіи, когда онѣ будутъ органически вытекать изъ основъ исторической жизни народа. Все, хотя бы и оказавшееся на Западѣ хорошимъ, но навязанное, бывшее дотолѣ чуждымъ русскому человѣку, не можетъ быть ему полезнымъ. Это не значитъ, однако, чтобы онъ проповѣдывалъ неподвижность, замкнутость, китаизмъ. Наоборотъ, всякій застой, твердилъ онъ, есть смерть для націи; только полное, всестороннее развитіе самобытныхъ духовныхъ силъ и способностей народа приведетъ къ жизни.

Онъ никогда также не потакалъ той кичливости, которая такъ ярко было проявилась въ нѣкоторой части нашего общества въ 50-хъ годахъ, передъ крымскою кампаніею. Вообще, всякое пренебреженіе къ другимъ націямъ, самонадѣянность, самохвальство были противны его правдивой, лучезарно чистой душѣ, и онъ всегда ратовалъ противъ всякой лжи и увлеченій. Если онъ и былъ, какъ его величали западники, славянофилъ, то въ самомъ лучшемъ и чистомъ значеніи этого слова.

Свои всегда честныя убѣжденія и мнѣнія, вынесенныя изъ жизни, провѣренныя долговременнымъ наблюденіемъ и изученіемъ народа, онъ, по возможности, проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ всегда съ полною откровенностью и защищалъ съ гражданскимъ мужествомъ и твердостью. Нельзя не

вспомнить, съ какою скорбію и мужествомъ онъ отвѣчалъ еще недавно на укоризну въ недостаткѣ патріотизма.

Наконецъ, мы должны сказать, что смерть Ивана Сергѣевича есть великая утрата для всего славянства. Кому изъ славянъ, даже въ самыхъ далекихъ и глухихъ мѣстахъ, незнакомо имя Аксакова? Кто не знаетъ, какое участіе онъ принималъ во время сербско-турецкой и затѣмъ послѣдней восточной войны? Тотъ энтузіазмъ, который охватилъ русское общество, то участіе въ славянахъ, которое приняли тогда всѣ слои этого общества, тотъ, наконецъ, интересъ къ нимъ, который проявляется и теперь,— все это было пробуждено покойнымъ. Онъ всегда былъ постояннымъ защитникомъ и ходатаемъ за братій славянъ и душевно скорбѣлъ, видя ихъ неразуміе, слѣдя за ихъ братоубійственными распрями».

«Смертъ Ивана Сергѣевича Аксакова, говоритъ «Свѣтъ», представляетъ утрату, какой давно не испытывала русская литература. Всѣ мы, безъ различія направленій, должны соединиться у гроба честнаго русскаго дѣятеля. Здѣсь не можетъ быть мѣста для партій: всѣ мы прежде всего русскіе люди, а потомъ уже представители различныхъ направленій и взглядовъ. Аксаковъ былъ истинный народолюбецъ и сдѣлалъ многое для пробужденія въ насъ самосознанія и самоуваженія. Будемъ же помнить совѣтъ, относящійся ко всѣмъ намъ и данный въ одномъ изъ предсмертныхъ писемъ покойнаго: будемъ совершенствоваться. Будемъ стремиться къ истинѣ, которую Иванъ Сергѣевичъ ставилъ выше всего, не допуская никакихъ сдѣлокъ и уступокъ, къ которымъ такъ часто прибѣгаютъ люди менѣе мужественные и менѣе честные. Русская печать должна достойно почтить одного изъ своихъ представителей: почтить не только вѣнками, но и дѣлами, слѣдуя примѣру искренности и прятоты, которую проявлялъ Иванъ Сергѣевичъ во всей своей литературной дѣятельности».

Еще бластящая скатилася звѣзда!
Еще великаго не стало славянина!
Рѣдѣетъ съ каждымъ днемъ писателей среда
Уже не много ихъ... Послѣдняя дружина—
Когда-то полныхъ силъ, борцовъ родныхъ идей
Уже не соберетъ собратьевъ подъ знамена.
Осталось мало ихъ... одни на склонѣ дней,
Другіе сгинули на радость для Тевтона.
. . . .

Давно-ли, кажется, а были времена,
Изъ плѣна вырвавшись, сверкала мысль родная,
Славянъ разсѣянныхъ родныя племена
Подъ мощное крыло Россіи созывая.
Теперь не то совсѣмъ. Неслышно голосовъ,
Когда то искренно и высоко цѣнимыхъ!
За то гремитъ кругомъ нескладный хохотъ совъ
Какъ приговоръ судебъ неотразимыхъ!
И вотъ теперь, когда намъ дорогъ каждый лучъ,
Какъ память прошлаго блестящаго разсвѣта,
Мерцаетъ, гаснетъ онъ, и изъ-за темныхъ тучъ,
Которыми страна родимая одѣта,
Осиротѣлыя мнѣ видятся поля,
Чернѣются кресты, чернѣются могилы,
Въ нѣмомъ отчаяньи, надъ новой сгибшей силой
Рыдаетъ русская земля!..

Г. Хрущовъ-Сокольниковъ.

Въ «Южномъ Краѣ» находимъ стихотвореніе г. Василія Иванова, посвященное памяти И. С.

Еще одинъ свѣтильникъ чудный
Средь мглы житейской догорѣлъ!...
Свершая жизни подвигъ трудный,
Одной онъ истины хотѣлъ...
Святыя въ сердцѣ убѣжденья
До гроба смѣло онъ носилъ,
Роднымъ славянъ соединенью
Душой и сердцемъ онъ служилъ...
Онъ вѣрилъ въ тотъ союзъ высокій,
Онъ вѣрилъ въ свой народъ родной,
И пламень вѣры той глубокой
Горѣлъ, какъ солнца лучъ благой,
Во тьмѣ—фальшивыхъ убѣжденій,
Служенья идоламъ чужимъ,
Всего чужого восхваленій
И смѣха надо всѣмъ своимъ...
И этотъ лучъ угасъ!.. и снова
Пустыя фразы зазвучатъ
Жрецовъ ученья чужого...
О, нѣтъ!. его правдивый взглядъ
На современное броженіе,

Примѣръ высокій и святой
Идеѣ честнаго служенья
Останутся въ странѣ родной,
Какъ дорогое достоянье,
Какъ вѣчной истины завѣтъ!..
Въ сердцахъ о немъ воспоминанье
Жить будетъ много-много лѣтъ...

Въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» напечатано слѣдующее стихотвореніе П. Кичеева:

Еще однимъ бойцомъ на свѣтѣ меньше стало,
Еще свѣтильникъ разума угасъ!...
Въ его лицѣ, въ тяжелый этотъ часъ,
Слугу надежнаго отчизна потеряла.

* * *

Какъ мать всегда онъ родину любилъ,
Любить ее училъ онъ наши поколѣнья.
Врагъ всякой лжи, безъ страха, безъ сомнѣнья
Онъ правду горькую въ глаза всѣмъ говорилъ.

* * *

И твердо знаю я: пускай пройдутъ года,
Но Русь его навѣрно не забудетъ;
Кто вѣрилъ въ свой народъ, какъ онъ, тотъ навсегда
И мертвый этому народу дорогъ будетъ!

Отзывъ «Новостей». Въ единодушномъ откликѣ печати по поводу смерти И. С. Аксакова нашелся таки одинъ фальшивый голосъ. Какъ и слѣдовало ожидать, голосъ этотъ принадлежитъ жиду Нотовичу, не въ первый уже разъ продѣлывающему нелѣпыя и неприличныя выходки по поводу событій, передъ которыми у остальной печати сглаживается рознь и партіозность.

Семитическій писатель въ «Новостяхъ» *) возглашаетъ:

«И. С. Аксаковъ былъ «журналистомъ» въ остромъ смыслѣ этого слова—журналистомъ, будившимъ общественную мысль и настолько независимымъ, что, получая со стороны правительства постоянныя «предостереженія», онъ въ то же время не примыкалъ ни къ одной журнальной фракціи. Въ послѣднее время онъ пошелъ даже въ разрѣзъ съ облюбленными имъ стремленіями

*) Органѣ соединенныхъ польско-жидовскихъ силъ по выраженію проф. М. Ос. Кояловича.

славянскаго міра и—справедливо или нѣтъ—утратилъ всю свою популярность на Балканскомъ полуостровѣ. Надо полагать, что на этотъ разъ онъ сталъ жертвой недоразумѣній, которыми такъ чревата послѣдняя международная «дипломатическая» компанія по неожиданно обострившемуся восточному вопросу».

Безтактная выходка г. Нотовича вызвала справедливую, полную негодованія отповѣдь со стороны «Бирж. Вѣд.».

Г. Нотовичъ, говорятъ «Бирж. Вѣд», соблаговолилъ признать И. С. Аксакова «журналистомъ» и вспомнилъ о «предостереженіяхъ», которыя получали изданія этого «журналиста». Другими словами, издатель-редакторъ «Новостей» удостоилъ поставить величавый образъ знаменитаго русскаго публициста и проводника великой русско-славянской идеи рядомъ съ своей комичной фигурой откупщика печатнаго слова—съ фигурой, равною нулю въ литературномъ и публицистическомъ отношеніяхъ... Изволите видѣть, Аксаковъ, такъ же, какъ и г. Нотовичъ, «журналистъ» и притомъ получалъ «предостереженія» совершенно такъ же, какъ и онъ. Но, поднявъ Аксакова на такую высоту, г. Нотовичъ спохватился, что сдѣлалъ ему слишкомъ великую честь, и потому прибавилъ: «Въ послѣднее время онъ пошелъ даже въ разрѣзъ съ облюбленными имъ стремленіями славянскаго міра и—справедливо или нѣтъ—утратилъ всю свою популярность на Балканскомъ полуостровѣ». Только изъ свойственной всякому истинному величію скромности, г. Нотовичъ не прибавилъ, что «утраченныя» Аксаковымъ «симпатіи перешли къ нему, г. Нотовичу, что, какъ извѣстно—было уже засвидѣтельствовано сочувственными телеграмами за подписями: Паницы, Ризова, Стоянова и проч. политическихъ проходимцевъ, имена и дѣянія которыхъ позорятъ славянство...

Не совершайся эта курьезная похвальба передъ открытой могилой одного изъ немногихъ русскихъ людей, стяжавшихъ себѣ славу и честное имя въ борьбѣ за русскую идею людей, горячо и беззавѣтно любившихъ родину—она, эта похвальба, была бы только смѣшна и забавна, какъ безсильныя потуги раздувающейся лягушки. Но въ виду горькой утраты, понесенной всѣмъ русскимъ и славянскимъ обществомъ—такая похвальба становится и неприличной и, повторяемъ, крайне печальной...

Отзывы заграничной печати. «Нов. Вр.» приводитъ отзывы иностранныхъ газетъ объ И. С. Аксаковѣ. Характерно,

что даже враги Россіи и славянства отзываются о покойномъ какъ о дѣятелѣ и человѣкѣ, чрезвычайно сочувственно:

„Pesther Lloyd“ напечаталъ длинную статью, посвященную памяти Аксакова, проявивъ при этомъ тѣ рыцарскія чувства, которыми такъ любятъ щеголять мадьяры, не всегда, къ сожалѣнію, примѣняя ихъ на дѣлѣ. Нѣкоторыя рѣзкія и несправедливыя сужденія, вполнѣ понятыя со стороны врага, почти исчезаютъ въ выраженіяхъ, воздающихъ Аксакову должное, какъ представителю великой идеи, какъ писателю и человѣку. Оффиціозный органъ венгерскаго правительства высказываетъ мнѣніе, что хотя Аксаковъ натворилъ не мало зла, но онъ всегда желалъ добра, и въ лицѣ его сошелъ въ могилу фанатичный, но добродѣтельный, во многихъ отношеніяхъ высокодаровитый и всегда остававшійся вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ человѣкъ; имя его заслуживаетъ уваженія и участія. «Исторія», говоритъ далѣе газета: «скажетъ о немъ: это былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ дѣятелей своего времени; онъ приводилъ въ движеніе монарховъ, народы и идеи и въ классической странѣ подкуповъ (?) ничего для себя, несмотря на свою силу, не желалъ и не получилъ. Иванъ Аксаковъ былъ, наконецъ, великимъ журналистомъ, и хотя намъ дѣятельность его представляется гибельною и сумасбродною, тѣмъ не менѣе, своимъ возвышеннымъ образомъ мыслей и преданностью идеѣ пріобрѣла ему великую славу, и въ памяти своего народа онъ будетъ жить дольше, чѣмъ многіе сильные міра сего. Русскому народу дѣлаетъ честь, что онъ производитъ такихъ людей; что касается насъ, ведущихъ войну съ панславизмомъ не на животъ, а на смерть, то мы не безъ сердечнаго волненія посвящаемъ эти строки памяти великаго передоваго борца панславизма въ Россіи! „Pesther Lloyd“, какъ вообще вся иностранная печать, считаетъ смерть Аксакова жестокимъ ударомъ, нанесеннымъ судьбою славянству, но не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ его собратьевъ, которые полагаютъ, что вмѣстѣ съ нимъ сойдетъ въ могилу и славянская идея.

Англійская „Standard“ пишетъ:

«Взгляды Аксакова были слишкомъ хорошо извѣстны для того, чтобы ихъ вновь повторять. Для русскихъ смерть его составитъ національную потерю, для славянофиловъ—непоправимое несчастіе. О немъ пожалѣютъ всюду, гдѣ только цѣнится свѣтлый умъ, возвышенный характеръ и не сокрушимая преданность высокимъ идеаламъ и добровольно принятымъ на себя обязанностямъ

Даже самые враги его—а они многочисленны въ Петербургѣ—признаютъ въ немъ человѣка «безъ страха и упрека, никогда ни на волосъ не отступавшаго отъ того пути, который указывали ему сознаніе его долга и любви къ отечеству, ради какихъ либо иныхъ соображеній, внушаемыхъ страхами, нападками или восхваленіями. Онъ былъ безусловно неподкупенъ въ такія времена, когда немногіе въ Россіи могли оставаться таковыми. Слѣдуетъ, однако же, сознаться, что если симпатіи его и были широки, за то мнѣнія его не отличались шириною и имѣли значительный оттѣнокъ предразсудковъ. Будучи самъ имперьялистомъ, онъ нисколько, однакожъ, не сочувствовалъ тѣмъ же стремленіемъ у другихъ націй и былъ глубоко враждебенъ въ отношеніи къ Англіи».

«Русскій Курьеръ» приводитъ отзывы другихъ иностранныхъ газетъ:

По мнѣнію „Kölnische Zeitung", Аксаковъ былъ типичнѣйшимъ явленіемъ нашего времени, талантливымъ вожакомъ той плеяды русскихъ публицистовъ, которые видятъ въ реформахъ Петра Великаго главный источникъ всѣхъ золъ и думаютъ, что счастье славянскаго міра заключается въ освобожденіи Россіи отъ вліянія западной цивилизаціи. По мнѣнію „Kölnische Zeitung", Аксаковъ былъ одновременно и народный трибунъ, и публицистъ, и во многихъ отношеніяхъ великій публицистъ, жгучее слово котораго увлекало массы.

„National Zeitung" говоритъ, что имя Аксакова сдѣлалось на Западѣ синонимомъ тенденцій собиранія всѣхъ славянскихъ народностей подъ русскій протекторатъ и руссофицированія инородческихъ племенъ, живущихъ въ Россіи. Дѣятельность Аксакова проявлялась, главнымъ образомъ, на поприщѣ русской журналистики. Свои мистическіе взгляды Аксаковъ умѣлъ дѣлать привлекательными, благодаря своему необыкновенному ораторскому таланту и лирическому паѳосу. „Nene Ereie Presse", говоря о кончинѣ Аксакова, проводитъ параллель между нимъ и генераломъ Скобелевымъ. «Панславизмъ», говоритъ газета: «послѣ военнаго потерялъ и публицистическаго своего вождя. Какъ ни была велика потеря Скобелева, но смерть Аксакова являетка болѣе важной утратой для панславизма, такъ какъ онъ былъ центромъ панславизма въ Россіи». Аксаковъ, по мнѣнію газеты, займетъ видное мѣсто въ исторіи Россіи, хотя дѣятельность его принесла мало пользы этому государству.

Русско-Галицкія газеты—«Слово» и «Проломъ», какъ и слѣдовало ожидать, посвятили сочувственныя статьи «благородной душѣ великаго покойника», «честнѣйшаго человѣка, который любилъ и Галицкую Русь не менѣе своей близкой родины...» При этомъ «Проломъ» помѣстилъ и довольно обстоятельный некрологъ человѣка, который никогда «не измѣнялъ своему призванію» и по которомъ «плачутъ всѣ славянскія области», а «Слово» воспроизвело статью объ Аксаковѣ изъ «Варш. Дневника». Короче, оба почтенные органа Червонной Руси отнеслись къ печальному событію съ истинно-русскимъ, или вѣрнѣе славянскимъ чувствомъ.

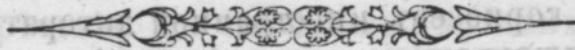
Но какъ же отличился при этомъ случаѣ органъ галицкихъ народниковъ «Дѣло»! Поистинѣ, эта якобы украинофильская (т. е. славянская же) газета превзошла органы польской печати, которые, имѣли на столько такта, чтобъ ограничиться краткимъ извѣстіемъ или хотя бы даже промолчать о знаменитомъ русскомъ публицистѣ, если не имѣли мужества отнестись къ его дѣятельности безпристрастно. Газета «Дѣло», подъ видомъ некролога Аксакова, признала своевременнымъ разразиться злостными выходками противъ покойнаго и противъ всей славянофильской партіи, за которой «Дѣло» даже не признаетъ правъ на такое названіе, изъ-за того, что русскіе славянофилы стояли за объединеніе славянства съ Россіей, съ ея языкомъ и религіей. Какъ ни преувеличенъ смыслъ, сообщаемый приведеннымъ выраженіямъ «русинскимъ» органомъ, все же основа коренной тенденціи славянофильства вѣрна и—должно прибавить—спасительна для славянства, если оно не хочетъ современемъ утратить свою племенную особенность, какъ ее уже утратили нѣкоторыя славянскія племена. Но какъ отнестись къ такимъ, напримѣръ, безсмысленнымъ клеветамъ: галицкіе русины за свою народную программу (!) имѣли въ Аксаковѣ наибольшаго ворога (?), и онъ не только самъ нападалъ на нихъ, но и давалъ мѣсто въ своей газетѣ всякимъ подобнымъ нападкамъ галицкихъ недовольныхъ и ренегатовъ... Съ Аксаковымъ упокоился главнѣйшій столпъ... тѣхъ объединителей, агенты которыхъ тайно и явно по всѣмъ славянскимъ землямъ сѣютъ раздоръ между дѣтьми одного и того же народа»...

Что, кромѣ слѣпой, безсмысленной ненависти ко всему русскому, кромѣ узкаго, партійнаго понятія о крошечномъ патріотизмѣ, могло внушить приведенныя строки, и притомъ въ по-

добную минуту, когда даже нѣмецкія газеты съумѣли отнестись, по крайней мѣрѣ, прилично къ «послѣднему русскому романтику», какъ назвала Аксакова одна остзейская газета. До сихъ поръ «Дѣло» большею частью грѣшило только желаніемъ сѣсть между двухъ стульевъ, основать миніатюрную «русинскую» самосостоятельную политическую струю между крупнымъ общерусскимъ потокомъ и значительнымъ все-таки польскимъ теченіемъ. Оно же оказывало иногда медвѣжьи услуги мнимымъ «русинамъ», живущимъ по Днѣпру, навязывая имъ свое политическое недомысліе. Все это было только смѣшно. Но попытавшись оскорбить память знаменитаго русскаго публициста, оказавшаго немало признанныхъ услугъ всему славянству, содѣйствовавшаго и дѣломъ и словомъ нравственному объединенію славянскаго міра, газета «Дѣло» именно сѣетъ раздоръ между сынами славянскаго племени, или, вѣрнѣе, обрекаетъ себя на ничтожество, на исключеніе изъ рядовъ славянской публицистики (не говоримъ уже о русской), какъ исключаются «ренегаты»...

Хорошо, впрочемъ, и то, что антиславянскія тенденціи въ славяно-русской семьѣ не прикрываются софизмами, а сами себя обнаруживаютъ...

(Новое Время).

СОДЕРЖАНІЕ. Ученіе Тридентскаго собора о первородномъ грѣхѣ и оправданіи—въ связи съ православнымъ и протестантскимъ ученіемъ о томъ же предметѣ (продолженіе). Слово, сказанное 30 января въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ во время заупокойной литургіи по новопреставленномъ рабѣ Божіемъ Иванѣ Сергіевичѣ Аксаковѣ. Нѣсколько словъ объ Ив. С. Аксаковѣ. Лѣтопись текущихъ событій. Объявленія.

№ 5 Волын. Епарх. Вѣд. сданъ на почту 11-го Февраля 1886 г.

Редакторъ **П. Бѣляевъ.**

Дозволено цензурою. Кременецъ. 11-го Января 1886 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.